

ЧЕРНАЯ ДЫРА

О тех,
кого вы
давно
не видели

Название
новой рубрики
может
показаться
вам странным.
Но мы все
когда-нибудь
хоть раз в
жизни
провалива-
емся в
какую-нибудь
«черную
дыру». Никто
от этого не
застрахован.
Но одно дело
мы, которых
мало кто
знает. Другое
— те, кого мы
все хорошо
знаем.

Еженедельник
«Жизнь»,
открывая эту
рубрику,
предоставит
своим
читателям
возможность
встретиться
именно с
такими
людьми,
которые в
течение
многих лет
были, как
говорят, на
виду, но в
нынешнее
безвременье
оказались
как бы в тени.
Не слышно
их слова,
не мелькают
они, как
прежде, на
экране. Как
они живут?
Чем заняты?
Рубрику
открывает
неповторимый
актер
Евгений
ЛЕОНОВ,
которого вряд
ли есть смысл
представлять.

Может быть, не все помнят драматическую историю, которая приключилась с Евгением Леоновым в 1988 году во время гастролей в Гамбурге. Стенокардия бывает у всех. Почувствовал он себя внезапно. Врач осмотрел и сказал, что у него воспаление легких. Повезли перед спектаклем на рентген... Потом вдруг — инфаркт, шок, удар, клиническая смерть... Вытащили... Через четыре дня отняли приборы — второй инфаркт. Здесь бы его, конечно, не спасли. Лежал без сознания. Вызвали сына, сказали: сиди и пой, зови его сюда, на землю. Услышит — придет, не услышит — не вернется. Да, он пришел через девять дней, как и сказал врач...

— Что-то вот после всего этого напало на меня, — говорит Евгений Павлович. — Как-то живется тяжело. Гнетет одиночество какое-то, оно вдруг влезло в душу. Иногда так вот сядешь, уткнешься в стенку, уйдешь в себя, в ожидании чего-то. Нет, не смерти. А все время думаю: зачем я живу, чего я хочу, зачем меня отпустил Бог? Я уже вроде простился со всеми... умер... А он меня отпустил... обратно. Тогда история случилась странная...

— Вот почему и сейчас, Евгений Павлович, вы какой-то грустный! Между тем мало кто из ваших зрителей может представить не веселого, незорного Леонова.

— Да ведь и кругом тоже что-то не весело... Люди перестают общаться между собой, ходят друг к другу в гости, не верят ни Богу, ни дьяволу. Все рушится, валится по человеческой, божьей линии, по экономической. Все чего-то жут. У каждого палец вперед ладошки, каждый тычет с экрана телевизора, предлагает жить по-другому. У нас сейчас не поймешь, в какой области хорошо.

Недавно, купив на базаре с женой чебурек, я пытался его откусить, но вдруг продавец говорит: «Выкинь, Леонов». Он, конечно, узнал меня. Я подумал: что же он туда положил, если сам предостерег.

И так сплошь и рядом — куда ни сунься. Да, наступили времена, когда каждый за себя. И я повторяюсь, так везде — будь то в театре, кино, в повседневной жизни...

— Как вы думаете, почему так получилось, что общественное кино, театр мало сейчас радуют? Почти нет фильмов, спектаклей, о которых «говорила бы вся Москва»!

— Тут все понятно: какое общество, такая и культура, такая культура — такое и искусство. Эх, что тут говорить... Все театры потихоньку стали похожи друг на друга. И актеры, и режиссеры. Все-таки смысл нашего искусства всегда состоял в том, чтобы глубоко понимать роль, родить живого человека в персонаже, научить его плакать, думать, разговаривать, соединиться актеру в корнях, содействовать в сердце человека боль, гнев, любовь, сострадание. Великий Хмелев умер в 41 год от инфаркта на генеральном прогоне, взрастив в себе Иоанна Грозного, разорвав свое сердце в куски. МХАТ тогда был лучшим в мире театром. Публика, попадая под воздействие актерской игры, становится покорной, грустит или смеется. Если актер играет сердцем, зритель это сразу почувствует.

— Есть ли в стране сейчас, на ваш взгляд, выдающиеся актеры?

— Хорошие есть. А выдаю-

НЕПРОЧИТАННЫЙ КОРОЛЬ ЛИР

щисся? Может быть, их и не должно быть. У нас же современной литературы нет. Особенно вспомнить нечего. Одно хвастовство, по-моему.

— В Ленкоме вы сегодня играете только в одном спектакле — «Поминальной молитве»...

— Да, в одном. Хороший, но тяжелый спектакль. 8—10 выходов в месяц. Вообще-то врачи не рекомендуют мне столько играть...

— Евгений Павлович, вы актер одного поколения, как чувствуете себя среди молодежи?

— Сложный вопрос. Я принадлежу к актерам мхатовской школы, которых воспитывали Яншин, Лобанов, Блиникова... И в свое время из Театра имени Маяковского я пришел не просто в Ленком, а к режиссеру Марку Захарову. И здесь, конечно, его мир, его идеи, его эстетика. Меня он привлекал как мастер очень современный, чувствующий атмосферу, время, умеющий нестандартно передать его. Не знаю, может быть, Захарову и не нужны такие актеры, как я. По большому счету я не убежден — много ли я сде-

лал за 17 лет работы в театре.

— Например, какая роль вам доставила бы сейчас творческое удовольствие?

— Некогда о Леонове писали, что он, мол, «непрочитанный король Лир». Может быть, кто-то слышал, как я говорил об этом, что можно сыграть Лира через обманную доверчивость, через распятую доброту. Не таким страстным, а, наоборот, стариком, отдавшим сердце детям и получившим взамен фигу с маслом, проклятье, злобу и ненависть. Неожиданное прочтение? А возможно так сыграть? А почему бы и нет. Мне кажется, что я мог бы его играть. Но... Теперь это и вовсе будет сложно. Нужен режиссер, который тебя бы поддержал.

— Хотели бы в каком-либо фильме сняться, чувствуете ли в себе какую-то потребность?

— Да, разумеется. Многие об этом спрашивают. Но я не знаю, что именно хочу сыграть. Если бы знал... Да и одного желания мало. Сейчас, так, кажется, нет интересных сценариев. Вот лежат у меня четыре. Я бы дал сейчас вам почитать. Вы по-

звоните через неделю и скажете: правильно, что я не снимаюсь. Предлагают — раз, мафию, секс, эротику...

Зачем за это браться, если мы не умеем снять голые тела. Во всем должна быть мера. Это я говорю как специалист, с которого и началось советское эротическое кино (впервые улыбается). Это я в «Полосатом рейсе» показал свой зад...

Вот и думаешь, ну, сыграю я какого-нибудь пахана, потрачу время, и что? Правда, сейчас, говорят, всякие ассоциации, спонсоры вкладывают большие деньги, и съемки проходят всего-то месяца-полтора. Но я привык к тому, что надо влезать в характер, порепетировать. «Кин-дза-дза» делалась, например, полтора года. И я несколько не жалею. Если бы эту ленту сократили метров на 400, то это была бы гениальная картина.

— Чего вам сегодня больше всего хотелось бы?

— Мне хочется удержаться на том уровне, который для меня означает следующее: «Выше закона может быть только любовь, выше правосудия — только милость, выше справедливости — только про-

щение».

— Когда-то, Евгений Павлович, вы опубликовали в «Известиях» любопытные выдержки из эссе «Письма к сыну». Это, кажется, ваш первый литературный опыт! Что с «Письмами» — они уже изданы!

— Должна выйти целая книга. Обещали выпустить ее еще в конце прошлого года в издательстве Союза театральных деятелей. Она небольшая, основана на настоящих письмах. Они просто лежали, потом появилась мысль собрать их в одну книгу. Что-то присочинилось. Письма обращены к сыну, да и вообще ко всем, с кем дружил, кого терял, у кого учился, о том, как падал, карабкался...

— А сейчас писать не пробовали!

— Надо сначала решить «про что». Вообще-то мысль хорошая — вместо того чтобы в стенку смотреть... Тут два дела стоящих: вспомнить,

где запятые ставятся (смеется), как буквы писать, и вспомнить прошлое, людей, с кем сводила судьба.

— Вы — человек верующий! В церковь ходите!

— Такие чувства не выставляют на публику, они не для всех. Вера может быть только для себя. И мне не по душе, когда иные — особенно в наше время — как бы демонстрируют это. Что с того, если они ходят в церковь, но Бога нет в сердце, и в жизни они поступают иначе. И дети сейчас не верят ни в черта, ни в Бога, ни в социализм, ни в коммунизм. Для меня самое страшное, что они не верят в дом свой, в отца, в мать. Рвется какая-то извечная цепь...

— Про какого человека вы могли бы сказать, что он добрый?

— Добрый человек в моем понимании тот, кто привык не брать, а отдавать — сердце, доброту, глоток воды. Наши педагоги, режиссеры-старики учили нас: хочешь стать личностью — научись отдавать. Всегда есть возможность чем-то поделиться. А человеку подчас бывает достаточно одного доброго слова, чтобы почувствовать себя окрыленным. И очень важно, чтобы это было при жизни человека.

— Что вы себе пожелали в новом году?

— Трудно мне что-либо вам сказать. Не знаю, чего желать. Еды? Но это так и должно быть. Счастье? Ну это очень относительное понятие. Радости? Это уж совсем забавно. Трудно? Так и должно быть. Улыбки, может быть, но только сквозь стиснутые зубы. На нас рушится что-то огромное, несусветное, некультурное, порой необразованное. Каждый новый виток нашего развития, мне кажется, наверх выкидывает не самых образованных, профессиональных и умных людей. Страшно, что сейчас, как мне кажется, наступило время посредственностей. Эту мысль я стараюсь отпихнуть от себя подальше. Но она меня не покидает. Сейчас больше указательных пальцев, а не самой сути...

Гаяз АЛИМОВ,
Геннадий
ЧАРОДЕЕВ.
Фото
Юрия Инякина.

Леонов Е.В.

1.92